

Шестнадцатый год правления циньского вана Ин Чжэна, шестой день девятого месяца.

Осень клонилась к закату; в небе, прощаясь с теплом, тянулись на юг караваны диких гусей.

В тот день, едва миновал полдень, Хань Тан привел Чэнь Гэ и его спутников в город Линъюнь, что лежал в пяти ли от места их встречи. Название «Линъюнь» — «Возносящийся к облакам» — звучало возвышенно, однако сам город являл собой зрелище куда более приземленное. Крохотное поселение едва ли занимало тысячу му: ни в длину, ни в ширину оно не превышало трех тысяч футов. Городская стена, сложенная из наспех утрамбованного самана, едва достигала двадцати футов в высоту, а окружавший её ров давно пересох, обнажив потрескавшееся дно.

Несмотря на обилие зелени, в этот пограничный час между угасающей осенью и наступающей зимой город казался заброшенным. Ветер поднимал столбы пыли, навевая тоску и чувство полного одиночества.

На крепостных стенах, изнывая от безделья, лениво развалились несколько солдат в черных доспехах. Судя по всему, это и был местный гарнизон. Завидев Хань Тана, они еще издали замахали ему руками, разразились вульгарным хохотом и, наконец, небрежным жестом пригласили войти.

Хань Тан, не удостоив их даже взглядом, повел спутников в город. По пути им то и дело попадались патрульные, но никто из них не соизволил остановить или расспросить чужаков.

— Странно, — шепотом спросил Чэнь Гэ, оглядывая стражников. — Почему ханьские солдаты одеты точь-в-точь как циньцы?

Хань Тан лишь стиснул зубы.

— Циньские псы, — выплюнул он с ненавистью.

Чэнь Гэ окончательно запутался, но, поймав предостерегающий взгляд Ли Синляня, предпочел промолчать. Видимо, за этим сходством скрывались сложные политические дрызги, в которые сейчас лучше было не вникать.

Внутри город выглядел иначе. Прямо через него, извиваясь подобно нефритовому поясу, протекала река, делившая поселение на две части. На востоке раскинулись жилые кварталы с аккуратно размеченными участками, а запад принадлежал торговле. Там кипела жизнь: сновали разносчики, зазывалы выкрикивали цены, а в толпе перемешались купцы и вольные бродяги всех мастей.

Уличные торговцы предлагали всякую всячину: от дымящихся лепешек и рисового вина до свежих овощей и лесной дичи. Близилась холода, и охотники, разложив у харчевен целые возы

шкур, устраивали распродажи, быстро собирая вокруг себя толпы зевак.

Чэнь Гэ впервые оказался в подобном месте и заворуженно оглядывался по сторонам, впитывая запахи и звуки древнего города.

Хань Тан, заметив его любопытство, лишь пренебрежительно фыркнул.

— Обычные торгошники, — бросил он. — В городе всего три с половиной тысячи дворов, зато циньцев здесь — целый гарнизон в пятьсот клинков.

— Слушай, — Чэнь Гэ решил сменить тему, вспомнив недавний конфуз. — На воротах написано «уезд Линъюнь», а на вывесках и флагах повсюду «город Бяньян». Как правильно?

— Имена? — Хань Тан скривился. — Называют и так, и так. Десятки лет назад Цинь учредила здесь уезд Линъюнь, но люди по привычке зовут его Бяньяном. Формально это земли царства Хань, но реальность... ты и сам видишь.

Ли Синлань, прикрыв повязкой левый глаз, шел, низко опустив голову. Лицо его до самой челюсти было изуродовано ожогом. Он двигался настороженно, лишь изредка бросая из-под капюшона колючие взгляды на прохожих. Вид его был мрачным.

— Город зажат между Линбао и Юньчэном, — вдруг заговорил Ли Синлань хриплым, пересохшим голосом. — Стратегически — гиблое место, никакой естественной защиты. Для любого правителя этот город станет костью в горле, поэтому циньцы просто используют его как перевалочный пункт после выхода из застав.

— Верно, — кивнул Хань Тан. — Жизнь здесь висит на волоске. Никаких тебе уездных начальников или управы. Есть только Бяньян-цзюнь, чей род получил этот удел еще от чжоуского вана сотни лет назад. А циньцы... они обосновались в лагере на западе города и целыми днями только и делают, что бряцают оружием.

— Зато зелени у вас много, даже в самом городе, — Чэнь Гэ старательно обходил острые углы. — Очень красиво, и река чистая. А там что за здание?

Хань Тан проследил за его взглядом и буркнул:

— Храм Чэнхуана, деревенщина.

— Там еду продают?

— Это храм покровителя городских стен и рвов! — возмутился мальчишка.

Они долго шли на восток, пока не пересекли каменный мост. Под ними по искусственному каналу неспешно скользили лодки, груженные зерном. Город, хоть и был старым, построенным из дерева и глины, не казался ветхим. Напротив, повсюду царили чистота и порядок. Прохожие вели себя вежливо и сдержанно: даже завидев оборванцев в странных одеждах, никто не выказывал неприязни и не пялился на них в открытую.

Ли Синлань, чей голос после долгого молчания стал чуть мягче, негромко произнес:

— Суметь в такое беспокойное время поддерживать в городе подобный порядок... Бяньян-цзюнь — незаурядная личность.

Стоило ему это сказать, как Хань Тан буквально взорвался.

— Бяньян-цзюнь — это просто посмешище! — выкрикнул он и, не оглядываясь, зашагал вперед.

Ли Синлань в замешательстве посмотрел мальчишке в спину, не понимая, чем вызвал такой гнев.

Бэй Чэнь, до того молча наблюдавший за суетой, перехватил длинную саблю Чэнь Гэ, на которой болталась свежая дичь, и язвительно бросил:

— Не в то копыто конь ударил.

Чэнь Гэ, ничего не понимая, проводил Бэй Чэня взглядом. Лишь спустя время, уже в восточном квартале, он заметил, что встречные горожане почтительно кланяются мальчишке и называют его «Гунцзы Тан».

«Так он... сын этого самого Бяньян-цзюня?» — осенило Чэнь Гэ.

Вечер того же дня застал их в доме, который больше напоминал небольшой парк. Над воротами красовалась надпись: «Покои Бяньян-цзюня».

— Мои предки получили этот удел от вана Вэй-ле и с тех пор несут бремя власти над этими землями, — заговорил хозяин дома.

На нем было изысканное одеяние цвета светлой бирюзы с темно-зеленым передником-биси. Полы платья касались пола, а пояс, расшитый золотыми и серебряными нитями, украшала подвеска из чистейшего белого нефрита.

Перед ними стоял правитель Линъюня — Бяньян-цзюнь Хань Юань.

Поместье изнутри казалось пугающе пустым, в отличие от ухоженного города. Каменные стены были голыми, а прислугой, судя по всему, служили соседи, которые приходили днем помочь по хозяйству и уходили засветло.

При виде отца лицо Хань Тана вытянулось, а вот сам Бяньян-цзюнь принял гостей радушно. Он велел сыну раздобыть для путников чистую одежду, распорядился приготовить ужин и отправить всех в купальню.

Хань Юань оказался человеком сухощавым, с благообразным, породистым лицом. Несмотря на хромоту и очевидную бедность дома, он держался с достоинством, подобающим древнему роду.

— Линъюнь стоит в ущелье Шаньмо, — рассказывал он, пока гости располагались за столом. — Когда-то эти земли принадлежали Царству Хань, и по старой памяти их до сих пор зовут Бяньяном. Но Цинь, выйдя из-за Ханьгугуаня, захватила город и дала ему новое имя. Впрочем, довольно разговоров. Вы проделали долгий путь, выпейте же.

Чэнь Гэ, переодевшийся в белоснежное платье с туго затянутым поясом, выглядел теперь скорее утонченным ученым, чем бродягой. Черные вьющиеся волосы блестели после мытья, а мягкий взгляд делал его совсем юным, почти ребенком.

Бэй Чэнь, наконец соизволивший скрыть чешую чешуйчатого дракона-индра, облачился в темно-красное одеяние. Из-за его огромного роста штанины пришлось надставлять кусками другой ткани, отчего он казался еще более внушительным, точно суровый воевода. Впрочем, выпив пару чаш вина, он явно захмелел и теперь, не слушая беседу, не сводил глаз с Чэнь Гэ.

Ли Синлань, сменив свой разодранный костюм химзащиты на темно-синюю одежду, выглядел на удивление благородно. Даже простая ткань на его прямой спине смотрелась дорого. Лишь лицо по-прежнему внушало ужас: густая мазь на ранах напоминала затянутую склизким клейстером кашицу, а обнаженное глазное яблоко пугало своим немигающим взглядом. Хань Тан распорядился сделать для него капюшон из черного газа, который скрыл уродство, не мешая обзору.

— В ваших владениях, господин, царит завидный мир, — негромко произнес Ли Синлань, смачивая горло теплой водой. — Видно, что народ живет в достатке.

Бяньян-цзюнь уже открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент дверь с грохотом распахнулась. В зал, бряцая доспехами, ввалился рослый воин.

Он замер в дверях, его силуэт в лучах заходящего солнца казался огромным. Не говоря ни слова, пришелец подошел к столу, бесцеремонно уселся рядом с хозяином и, по-хозяйски обняв Бяньян-цзюня за плечи, залпом осушил его чашу.

С грохотом поставив её обратно, он сплюнул и захохотал:

— Лошадиная моча, а не вино!

Хань Юань вскочил, едва не опрокинув стол. Он дрожал от ярости и впился в наглеца гневным взглядом.

Ли Синлань остался невозмутим, лишь спина его стала еще прямее. Чэнь Гэ показалось, что тот усмехнулся под своим капюшоном.

Сам же Чэнь Гэ застыл с полупустой чашей в руке, не зная, допить её или поставить. В итоге, решив не переводить продукт, он потихоньку допил вино.

Бэй Чэнь и вовсе не обратил на воина внимания — он с аппетитом уплетал мясную похлебку прямо из котелка.

Обстановка накалилась до предела.

«Если бы здесь летали комментарии, — подумал Чэнь Гэ, — они бы все сводились к одному: бедный Бяньян-цзюнь».

Хань Юань, подавляя гнев, представил гостя:

— Это дутун Чжан Юаньцзю. Под его началом — пятьсот воинов, охраняющих покой Линъюня уже десять лет.

Чжан Юаньцзю разразился громким, фальшивым смехом. Чэнь Гэ, знавший толк в притворстве, сразу понял: этот смех нужен был лишь для того, чтобы привлечь к себе внимание.

Смех оборвался мгновенно. Дутун посуровел.

— Слышал, Тан-эр вернулся с охоты и притащил в дом каких-то бродяг? — голос его гремел, точно барабан.

Хань Тан с такой силой сжал рукоять ножа, что костяшки его побелели.

Бяньян-цзюнь заставил себя улыбнуться:

— В горах случился обвал из-за дождей, и почтенные торговцы сбились с пути. Помочь путнику — долг каждого, не стоит...

— Хватит! — Чжан Юаньцзю с размаху ударил ладонью по столу. Посуда жалобно звякнула, а глиняный кувшин перед Бяньян-цзюнем треснул, и на стол потекла пустая овощная похлебка, в которой не было ни капли жира. — Земля Цинь — не проходной двор! Эти люди подозрительны. Уж не замышляешь ли ты недоброе, господин?

Хань Тан вспыхнул от стыда: вид разлитой пустой похлебки перед его отцом выдавал их нищету с головой.

Бяньян-цзюнь вздохнул:

— И я, и мой народ живы лишь благодаря вашей защите, дутун. Мы годами полагаемся на вашу милость, к чему нам интриги?

Лицо Чжана просветлело. Ему явно льстило, когда этот аристократ рассыпался перед ним в похвалах на глазах у всех. Он еще крепче прижал к себе Хань Юаня и приторно произнес:

— Слова твои сладки, брат мой Юань. Но закон Цинь суров. Не боишься, что твоя доброта выйдет тебе боком?

Чэнь Гэ, как ни был он далек от политики, понял всё сразу. Этот солдафон среди бела дня помыкал статным мужчиной, и никто не смел пикнуть. Гнев вскипел в его груди, он уже готов был вскочить и задать хаму трепку, но Ли Синлань едва заметно покачал головой.

Ли Синлань усмехнулся — на его обожженном лице это выглядело жутко — и потянулся к поясу. Он сорвал листок дурмана, быстро разжевал его, унимая боль, и обратился к дутуну:

— Закон суров, но люди — не камни. Каждому может выпасть доля оказаться в беде. Стоит ли быть столь беспощадным?

Бэй Чэнь издевательски хмыкнул. Чжан Юаньцзю нахмурился, вглядываясь в Ли Синланя под его капюшоном.

— Твои слова значат лишь то, что и я могу когда-нибудь пасть? — холодно спросил офицер. — Уж не пророчишь ли ты мне беду?

Ли Синлань сложил ладони и спокойно произнес:

— У каждого своя судьба. Кто познал законы Инь и Ян, тот видит мир как на ладони.

Чжан выхватил нож и с силой воткнул его в столешницу.

— Ого! Так ты из школы Инь-Ян? Ну, взгляни на меня. Если соврешь — не обижайся.

Ли Синлань улыбнулся еще более странно.

— Могу ли я узнать ваше имя, дутун?

— Чжан. Имя — Юаньцзю.

«Просто фамилия, без родового имени — значит, из простолюдинов», — сообразил Чэнь Гэ. Понятно теперь, почему он так взбеленился. Люди всегда кричат о равенстве, но при первой же возможности норовят наступить другому на голову.

Ли Синлань смочил палец в вине и начертил на столе сетку из девяти квадратов.

— Бин-шэнь, жэнь-чэнь, гэнь-чэнь, и-ю... Звезда У-ту падает в третий дворец, врата Ду-мэнь... Дутун, третьего дня вы неловко упали. Обошлось без ран, но теперь вы чувствуете слабость в суставах и одышку?

Чжан Юаньцзю замер.

— Я упал у ворот лагеря, это все видели. Ты просто издеваешься?

— Ни в коем случае. Я лишь советую вам беречь себя, — невозмутимо продолжал Ли Синлань.
— Вы родились во внутренних землях, рано осиротели и долго скитались. Мало кто об этом знает. Но от природы вы наделены великой силой, и в годы лихолетья вам помог знатный человек, после чего вы сменили имя. В шестнадцать лет пошли на службу, прошли сотни битв, добыли тысячи вражьих голов... Я прав?

По лбу Чжана скатилась капля пота. Он попытался сохранить лицо:

— Вижу, ты и впрямь мастер Инь-Ян. Но прошлое — это прошлое. Что скажешь о будущем?

— Вас ждет стремительный взлет, дутун. Скоро вы покинете эти места, чтобы принять новые чины и титулы.

Чжан Юаньцзю горько усмехнулся:

— В Цинь чины дают за воинские заслуги, а не за красивые глаза. Ты лжешь.

— Верьте или нет, — Ли Синлань был спокоен, — но не пройдет и месяца, а может, и трех дней, как прибудет гонец из Сяньяна с важным поручением. Богатство идет рука об руку с

опасностью. Всё зависит от вашего выбора.

Услышав слово «гонец», Чжан Юаньцзю не на шутку разволновался. Он жадно выпил, пытаясь скрыть дрожь в руках, и неловко хохотнул:

— Что ж, ловите моё благословение. Сидите тихо, не буяньте, и я закрою на вас глаза.

Похоже, предсказания Ли Синланя не на шутку напугали вояку. Он швырнул чашу на стол, поднялся и поспешил вон.

Глядя на заляпанный стол и объедки, Чэнь Гэ молча принялся убирать беспорядок. Когда он закончил, а шаги дутуна окончательно затихли вдали, прислужники осмелились вернуться и заново накрыть стол для господина.

Чэнь Гэ сел на свое место, не в силах скрыть восхищения.

— Как ты это сделал? — одними губами прошептал он Ли Синланю. — Неужели правда всё просчитал?

<http://bllate.org/book/17509/1659474>